

ДИСКУССИЯ

УДК 930.23

ХИМЕРЫ И МИРАЖИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

В.А. Иванов

(Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы)

В статье рассматривается проблема так называемой «имперской культуры» Золотой Орды. На основе анализа археологического материала, который рассматривается в качестве составляющих компонентов «имперской культуры», оценки его качества, широты и интенсивности распространения среди населения Золотой Орды и племен соседних территорий, которые а priori рассматриваются в качестве потребителей этой культуры, автор приходит к выводу, что в общем и целом это понятие – «имперская культура Золотой Орды» – есть химера. А постулируемое исследователями мощное воздействие «имперской культуры» Золотой Орды на культуру соседних с нею народов Урала и Поволжья – есть мираж, созданный воображением этих самых исследователей.

Ключевые слова: Золотая Орда, имперская культура, Великая Яса, социальный статус, бокка, химера, мираж.

Мысль о написании данной статьи возникла у автора этих строк под влиянием нескольких, на первый взгляд не связанных друг с другом обстоятельств и впечатлений. Первое – посещение в конце января 2011 года одного из семи чудес Света – пирамид в Гизе. Впечатление: грандиозные, покрытые (в буквальном смысле этого слова) пылью, давящие своими размерами, но какие-то бессмысленные сооружения, стоящие на утрамбованном миллионами ног и копыт конском и верблюжьем навозе. Второе – знакомство в том же году с великой Софией Новгородской, вопреки впечатлению, навеянному сотнями виденных перед этим фотографий и иллюстраций, оказавшемуся довольно приземистым храмом, затерявшимся среди более поздних построек XVIII–XIX вв. В промежутке между этими экскурсиями было посещение Селитренного городища (города Сарай-Бату) и стоящих рядом с ним декораций к фильму режиссера А. Прошкина «Орда» – роскошному по внешнему антуражу и, надо полагать, затратам, и абсолютно бессмысленному по содержанию.

Возникает вопрос – в чем связь? Она состоит в том, что приведенные выше примеры из личного в очередной раз подтверждают справедливость утверждения о том, насколько увиденное может различаться (и различаться) от услышанного. Здесь мы вплотную подошли к основной теме данной статьи – химеры и миражи Золотой Орды. Сразу оговорюсь, во избежание недоуменных, а, возможно, и возмущенных вопросов коллег: речь пойдет отнюдь не о химеричности Золотой Орды как реально существовавшего исторического

явления, оставившего свой след в истории народов Евразии. Речь пойдет о наших выводах и умозаключениях относительно цивилизаторской роли этого государства, построенных нами же на основании идиллического, а зачастую и наивно-романтического восприятия и оценки данных источников, имеющих в нашем распоряжении¹.

История и культура Золотой Орды воспринимается и реконструируется нами на базе двух групп источников – письменных свидетельств современников и очевидцев и археологии. Первые хорошо известны, переведены на русский язык, неоднократно проанализированы и интерпретированы. Их преумножение за счет появления каких-то новых нарративов, способных кардинально изменить наше представление об объекте исследования, маловероятно. Реальный объем вторых никому не известен и едва ли когда будет известен. Он постоянно множится, хотя, как показывают обобщающие труды по истории Золотой Орды, вышедшие в последние годы, диалектического перерастания количества в качество здесь тоже пока не происходит. В чем суть проблемы?

В свое время классик отечественного золотоордынovedения Г.А. Федоров-Давыдов выдвинул тезис о культурно-идеологической (а я добавил бы – и культурно-психологической) дифференциации Золотой Орды: «Два элемента и две стихии соединились в Золотой Орде – кочевники в степях и степные города с их ремеслом и торговлей – недолгий взлет градостроительства и расцвет урбанизма в степи. **Это искусственное сосуществование кочевых орд и городов с их мощным ремеслом и торговлей держалось только объединяющей силой общей деспотии ханской власти** (выделено мной – В.И.)» [36, с. 114]. Тезис, не только не получивший своего раскрытия, но и основательно подзабытый современными золотоордынovedами².

Сам Г.А. Федоров-Давыдов посвятил проблеме административно-политического соотношения золотоордынского города и кочевой степи одну из глав своего исследования по общественному строю Золотой Орды [37, гл. IV]. Но, очевидно, малочисленность имеющегося тогда в распоряжении исследователя кочевнического археологического материала XIII–XIV вв. не позволила ему всесторонне рассмотреть эту проблему. Поэтому фактически взаимодействие этих двух миров исследователь изложил по вектору: кочевническая знать → город. Содержанием этого вектора являлось вначале принудительное, а затем и добровольное переселение кочевнической знати в города.

Однако известно, что кочевая Степь не ограничивалась одной только знатью – потенциальными горожанами. В ней оставалась масса населения, социально и имущественно дифференцированного, живущего по законам Великой Ясы. Об имущественном и социальном расслоении кочевников Золотой Орды свидетельствуют П. Карпини и В. Рубрук, повествующие о богатых и знатных «моалах» и «татарах». Они имеют многочисленные стада («Они очень богаты скотом: верблюдами, быками, овцами, козами и лошадьми.

¹ Тем более, что химера (согласно всем энциклопедическим словарям) это не только чудовища на фасадах Нотр-Дам де Пари, но и «неосуществимая мечта, причудливая фантазия».

² Наглядный тому пример – третий том «Истории татар с древнейших времен» (Казань, 2009), посвященный Золотой Орде, в котором о кочевниках не сказано ни слова.

Вьючного скота у них такое огромное количество, какого, по нашему мнению, нет и в целом мире» (П. Карпини, Гл.2, §V) [14], просторные юрты от 30 до 60 м² (20–30 футов в диаметре), многочисленных жен, рабов, часть которых обитала в стационарных поселениях, занимаясь земледелием в пользу своего хозяина («Важные господа имеют на юге поместья, из которых на зиму им доставляется просо и мука» (В. Рубрук, гл.VII)).

В соответствии с социальным статусом представителей кочевой знати хоронили по усложненному ритуалу («Когда же он умрет, то, если он из знатных лиц, его хоронят тайно в поле, где им будет угодно, хоронят же его с его ставкой, именно сидящего посередине ее, и перед ним ставят стол и корыто, полное мяса, и чашу с кобыльим молоком, и вместе с ним хоронят кобылу с жеребенком и коня с уздечкой и седлом, а другого коня съедают и набивают кожу соломой и ставят ее повыше на двух или четырех деревяшках, чтобы у него была в другом мире ставка, где жить, кобыла, чтобы получать от нее молоко и даже иметь возможность умножать себе коней, и кони, на коих он мог бы ездить, а кости того коня, которого они съедают за упокой его души, они сожигают» (П. Карпини, Гл.3, § III); «Я видел одного недавно умершего, около которого они повесили на высоких жердях 16 шкур лошадей, по четыре с каждой стороны мира; и они поставили пред ним для питья кумыс, для еды мясо...» (В. Рубрук, Гл.XI); «...Они идут тайком в поле, удаляют там траву с корнем и делают большую яму и с боку этой ямы делают яму под землю... Мертвого же кладут в яму, которая сделана сбоку, вместе с теми вещами, о которых сказано выше, затем зарывают яму, которая находится перед его ямой, и сверху кладут траву, как было раньше, с той целью, чтобы впредь нельзя было найти это место. В остальном они поступают так, как о том сказано выше, но наружную его палатку оставляют на поле» (П. Карпини, Гл.3, §IV)) с воздвижением выразительных надмогильных сооружений («Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке пред пупком чашу. Они строят также для богачей пирамиды, то есть остроконечные домики, и кое-где я видел большие башни из кирпичей, кое-где каменные дома, хотя камней там и не находится... Я видел другие погребения в направлении к востоку, именно большие площади, вымощенные камнями, одни круглые, другие четырехугольные, и затем четыре длинных камня, воздвигнутых с четырех сторон мира по его сторону площади» (В. Рубрук, Гл.XI)).

Наблюдатели-современники не преминули обратить внимание и на неприглядные, с их точки зрения³, качества кочевнической ментальности – попрошайничество, вымогательство, вероломство, неопрятность. Причем, в данном случае социальный статус никакой роли не играл – европейские авторы отмечали эти качества и у своих провожатых – рядовых кочевников-оратов, и у представителей «татарской» знати.

Возникает любопытный вопрос: а если представить такую ситуацию, что те немногочисленные письменные источники, так или иначе фиксирующие социальную дифференциацию кочевников Золотой Орды до нас вообще не дошли, какую информацию по интересующей нас теме мы могли бы полу-

³ Как мы понимаем, самим кочевникам было абсолютно все равно, что о них думают их vis-a-vis.

чить только из археологического материала? Ответ на него можно найти в работах современных исследователей. Совершенно естественно, что в качестве маркера социального ранга того или иного индивида коллеги археологи берут, как правило, статусные предметы из погребений. Для мужчин это воинские («гвардейские» – по М.Г. Крамаровскому) пояса [28, с. 147]. Действительно, из тех немногочисленных погребений XIII–XIV вв. в степях Восточной Европы, содержащих воинские пояса (девятнадцать учтенных мною погребений), в двух, кроме того, найдены полные доспехи – шлем и панцирь – и копье (Высокая Гора; Олень-Колодезь), в одном – сабля и шлем (Ахтырский Лиман I), в одном – сабля и кольчуга (Юрьев-Польской).

Из других погребений, не вошедших в мою сводку⁴, но перечисленных М.Г. Крамаровским, в разрушенном погребении у с.Карги в Поднепровье серебряный поясной набор присутствовал вместе с золотой поясной чашей; из разрушенного погребения из Ставрополя происходят пояс с серебряной гарнитурой и сабля [28, с. 147–151]. Таким образом, едва ли есть смысл отрицать то обстоятельство, что наборный пояс являлся маркером социального статуса мужчины-воина.

Аналогичными маркерами, но теперь уже социального статуса женщины-кочевницы, являлись перстни, браслеты, цилиндрические подвески (коранницы), серьги, которые, как это было установлено Р.Р. Каримовой, обнаруживают высокую тенденцию встречаемости в погребениях с золотыми предметами, среди которых (погребений) нередки погребения с шелковыми, парчовыми тканями и предметами, имеющими ранговую атрибуцию, – котлами-казанами [24, с. 19].

Как, безусловно, погребения кочевой знати рассматривают исследователи захоронения с остатками одежды из дорогих тканей в могильнике Вербовый Лог VIII, Токовское, Маячный бугор и «Высокая гора» [6; 7; 27; 29].

Заслуживающая внимания деталь: если бы в указанных погребениях не сохранились фрагменты одежды, то и тогда, по составу сопровождающего инвентаря, они, в общем-то, тоже могли бы считаться не рядовыми. В женских погребениях могильника Вербовый Лог VIII были найдены золотые пуговицы и серьга, серебряный браслет, серебряная с позолотой амулетница, сердоликовая и хрустальные бусины, серебряный перстень, бронзовые зеркала. В мужском – берестяной колчан со стрелами и кольчуга. И, конечно же, во всех трех погребениях находились остатки чучела коня (череп и кости ног), взнузданного и оседланного.

В погребении Маячный бугор, кроме остатков богатого халата, находились серьга в виде знака «?», перстень, монета и головной убор – бокка.

В погребениях могильника «Высокая гора» найдены: детали конской сбруи (стремена, удила), берестяной колчан со стрелами, кольцевидная серебряная серьга, шлем с кольчугой и целый «гвардейский» пояс – в мужском погребении; серьга в виде знака «?», ожерелье из бус, серебряный браслет, зеркало, амулетница – в женском. В обоих погребениях присутствовали также медные чаши.

⁴ Я стараюсь включать в свою базу данных главным образом те кочевнические погребения, в которых возможно проследить детали погребального обряда.

Представим себе такую ситуацию: мы целенаправленно ищем погребения кочевой знати по их внешним признакам (размеры и конструкция надмогильного сооружения) с целью именно их исследования. Напрямую этого сделать не удастся. Выделить по внешним признакам среди массы кочевнических погребений статусные не представляется возможным. Курганы кочевников Золотой Орды предстают перед нами или в виде едва заметных земляных насыпей-курганов, утративших со временем свою визуальную выразительность, или в виде затерявшихся среди степной травы каменных выкладок-набросок⁵.

Сырцовые и кирпичные оградки-«мазары» также предстают перед нами в виде невыразительных земляных всхолмлений, но вот их вскрытие уже позволяет делать некоторые выводы социального контекста (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение конструкции надмогильного сооружения и состава погребального инвентаря в курганах кочевников Золотой Орды

№ п/п	Могильник	№ погребения	Вещи
<i>Сырцовые оградки</i>			
1.	Бахтияровка II	41	пояс
2.	Бахтияровка II	48	нож, шило
3.	Бахтияровка III	99	монета
4.	Колобовка	1	монета
5.	Колобовка	2	монета
6.	Лебедевка VIII	1	без вещей
7.	Озеро Раим	14	кольцевая серьга, бубенчик, бусы, бокка
8.	Мокринский I	13	бубенчик, монета
9.	Мокринский I	14	серьга в виде знака «?», бубенчик, перстень, бокка, амулетница, монета
10.	Мокринский I	15	без вещей
11.	Зауморье	7, погр.1	нож, кресало
12.	Зауморье	7, погр.2	монета
13.	Маляевка	7	серьга в виде знака «?», бубенчик, бусы, зеркало, нож, ножницы, пряслице
14.	Целинный I	73	удила, стремена, колчан, стрелы, пряжка, нож
<i>Кирпичные сооружения-«мазары»</i>			
15.	Мокринский I	10	серьга в виде знака «?», бусы, бокка, монета
16.	Семенкин	40	кольцевая серьга, перстень, бокка

⁵ Во время раскопок могильника Хабарный I на правом берегу среднего течения р.Урал в 1984 г. одна из таких выкладок, содержащая могилу, не самую бедную инвентарем, все время оказывалась под экспедиционной машиной. Обнаружили мы ее только тогда, когда могильник был исследован и трава, покрывавшая его площадку, была вытоптана и пожухла.

17.	Семенкин	25	удила, стремяна, стрелы, колчан с накл., пряжка, нож, кресало, медный сосуд
18.	Ровное	11	топор, серьга в виде знака «?», мотыжка
19.	Мокринский I	11	серьга в виде знака «?», бусы, бокка, амулетница
20.	Мокринский I	16	бубенчик, бусы, бокка, амулетница,
21.	Маячный бугор	Мавзолей	серьга в виде знака «?», перстень, бокка, монета

Аналогичным образом автор этих строк попытался дать социальную интерпретацию т.н. «всаднических» погребений кочевников Золотой Орды. Полученные результаты показывают, что эти погребения делятся на три группы – захоронения с конской тушей (полный остов в могиле), с конской шкурой или чучелом (череп и кости ног) и только с конской сбруей (стремена и удила) – которые, в совокупности с ассортиментом другого погребального инвентаря и географией своего распространения, дают основания трактовать их как реперы, указывающие на имущественное и социальное положение погребенного или погребенной [20, с. 15–23].

Вот здесь мы вплотную сталкиваемся с «миражом №1» – сонмом кочевой золотоордынской знати. То, что она существовала в природе, – факт, который было бы просто нелепо подвергать сомнению. Но вот если опять отрешиться от сведений письменных источников и сосредоточиться на формальных археологически фиксируемых признаках социальной иерархии кочевников Золотой Орды, картина получается очень нечеткая. Выше были приведены данные о кочевнических погребениях, которые по своим признакам могут быть ассоциированы с захоронениями знатных ордынцев. Но, если по большому счету, что в сопровождающих их вещах такого уж статусного? Да, усложненные конструкции надмогильных сооружений, скорее всего, указывают на нерядовое место погребенных в них индивидов в золотоордынском обществе. На него же указывают и упоминавшиеся выше «всаднические» погребения. Вместе с тем, сопровождающие их вещи, взятые каждая в отдельности, в чем выражается их статусность? Пояс из кургана 41 Бахтияровского II могильника – вещь, безусловно, статусная. Из всей массы золотоордынских кочевнических погребений целые поясные наборы найдены только в 1,5% погребений. Затем по возрастающей стоят амулетница, перстень, бубенчик-пуговица, серьга в виде несомкнутого кольца и т.д. (рис. 1).

Степень статусности перечисленных выше предметов каждый из исследователей волен определять сам, мне же, например, представляется, что предметы, чья частота встречаемости в кочевнических погребениях превышает 10%, могут считаться таковыми весьма условно.

На другом конце этого социально-имущественного вектора (как он выстраивается по формальным археологически фиксируемым признакам) находятся погребения «бедняков», из всех вещей содержащих только железный нож. Они составляют 5% от общего количества учтенных мною кочевнических погребений Золотой Орды (всего 1034 погребения). Конечно, экстраполировать эту статистику на реальное соотношение количества «бедняков» и

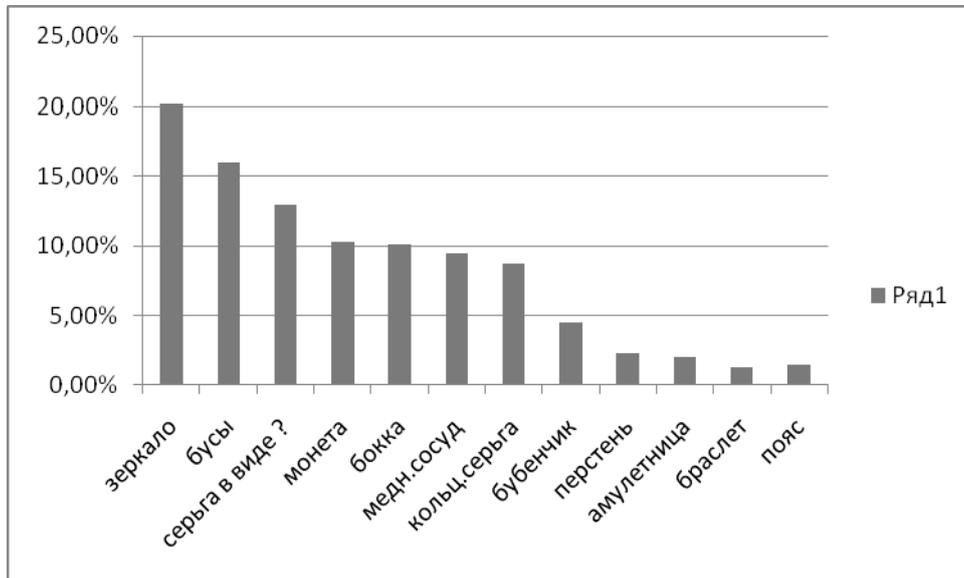

Рис. 1. Диаграмма частоты встречаемости «статусных» предметов в кочевнических погребениях Золотой Орды

«богачей» в Золотой Орде – занятие бессмысленное, не дающее никакого результата в плане расширения наших представлений о социальном устройстве кочевников этого государства. Но то, что погребенные в этих бедных могилах люди стояли на самом низу социальной лестницы, с одной стороны, вроде бы как непреложный факт, поскольку среди них нет ни одного погребения с усложненным обрядом. Но, с другой стороны, среди них имеются погребения «всадников» с конским чучелом (Аткарский, п.5; Новоорский II, к.1; Осадная Балка, к.1; Кара-Оба, к.6; Зауморье) или сбруей (Верхне-Погромное, к.9,14; Бахтияровка II, к.54, 75; Петровский, к.1; Худай-Берген IV, к.6; Джангала (Нов.Казанка), к.3; Кисловодск, к.1; о.Песчаный, к.8; Чауш, к.13; Степной, к.2; Башкир-Беркутово, к.1). Кроме того, погребенные в Башкир-Беркутовском кургане №1; Бахтияровском II №75; были захоронены еще и в колодах, а в погребении Зауморье – в дощатом гробу – тоже, в общем-то, стоявшие каких-то денег изделия. А вдруг они еще были и одеты в парчу и шелк, истлевшие в прах? Вот перед нами и еще трое представителей кочевой «знати» Золотой Орды.

Точнее, четверо, поскольку еще одно подобное погребение – курган №9 могильника Волошино в Полтавской области, где из вещей найден только железный нож, но зато сохранились остатки костюма из «высокосортных импортных тканей» – было интерпретировано как погребение члена семейства (дочери) одного из представителей золотоордынской улусной администрации [35, с. 312].

Таким образом, если продолжать оперировать только археологическими данными, доступными нам эмпирически, то имущественная и социальная структура кочевников Золотой Орды предстает перед нами довольно расплывчато. Те предметы, которые принимаются нами как социально статусные, в своем внешнем восприятии выглядят вполне скромными и невырази-

тельными (см. табл. 1). «Всаднические» погребения, конечно, указывают на какое-то имущественное расслоение, но насколько оно было аутентично месту индивида в социальной иерархии и какие социальные возможности это место предоставляло занимавшему его субъекту, – на этот вопрос мы ответа, вероятнее всего, не получим никогда.

Здесь не помогут и имеющиеся письменные источники, авторы которых, по сути, не интересовались вопросом – кто есть кто в кочевнической степи: выданная в ханской канцелярии пайцца (а это или ханская ставка, или город) открывала им все дороги⁶. А визуально все кочевники, во что бы они ни были одеты, запыленные, пропахшие лошадиным потом⁷ и кумысом, для европейца или халифатского мусульманина-горожанина смотрелись одинаково непрезентабельно.

Что касается богатства, то любой кочевник-орат, владевший несколькими десятками овец и табун лошадей (10–15 голов), по сравнению с европейским, персидским или китайским крестьянином, сутками горбатившимся на клочках арендованной земли, иноземным путешественникам представлялся едва ли не Крезом.

Наконец, жилища кочевников, юрты или кибитки. Обращая внимание на размеры богатых юрт, европейские путешественники практически ничего не пишут об их внутреннем убранстве. Оно и понятно: по сравнению с каменными или фахверковыми домами европейских горожан-бюргеров, рыцарскими замками или азиатскими домами-усадебками жилище кочевника-степняка по своей комфортности в восприятии горожанина явно проигрывало: неистребимый запах кизячного дыма от очага и овечьей шерсти от войлочных стен и кошм, отсутствие мебели, сквозняки по полу⁸.

«Мираж №2» – города в степи. Я ни в коей мере не подвергаю сомнению сам факт возникновения и существования городов Золотой Орды, равно как и организующую роль золотоордынского города для торговли, экономики и административной политики этого государства, неоднократно и убедительно обоснованную исследователями. Я предлагаю взглянуть на золотоордынский город глазами степняка-кочевника, вынужденного обращаться к нему в силу хозяйственных нужд или под влиянием экстремальных в его, кочевника, жизни ситуаций. Каким он, воспитанный на законах Великой Ясы Чингиз-хана, один из которых гласит: «Мужчинам разрешается заниматься только войной и охотой» [15], – видел город? Ответ на этот вопрос мы находим в работах исследователей городов Золотой Орды.

⁶ Вспомним, кстати, как долго пришлось маяться посольству Багдадского халифа в 922 году у огузов, когда Ахмеду ибн-Фадлану волей-неволей пришлось глубоко вникнуть в огузскую социальную иерархию.

⁷ Как «благоухают» штаны и другая одежда после нескольких часов верховой езды (конечно, не на ипподроме или в манеже и не на вычищенных и ухоженных спортивных лошадаках), автор этих строк знает не понаслышке.

⁸ Автору довелось некоторое время жить в натуральной казахской юрте летом 1986 г. в степях Западного Казахстана, в башкирской юрте поздней осенью 1996 г. в степях Южного Зауралья и посетить юрту «ханши Тайдулы» недалеко от городища Селитренного (Сарай-Бату) осенью 2011 г. Бутафорскую, конечно, но сделанную из натуральных материалов.

Характерной особенностью золотоордынских городов Нижнего Поволжья являлось отсутствие организующего центра – укрепленной цитадели: «структура городского ландшафта была организована регулярной застройкой, основанной на сетке улиц в центральной нуклеарной части и иррегулярной, рассредоточенной на окраинах» [5, с. 141]; «...усадыбы хана и других представителей социальных и административных верхов **располагаются по степи без видимого порядка** (выделено мной – *В.И.*), не создавая определенного городского центра» [17, с. 215]. То есть обитателю степи, привыкшему к четкой организации пространства кочевья (юрта старшего – или крайняя с запада (справа) в ряду, или в центре), плутание по узким (от 3 до 10 м) улицам и переулкам в поисках нужного ему объекта, едва ли доставляло эстетическое удовольствие и психологический комфорт. Во-первых, если судить по предлагаемым реконструкциям, «кварталы нижеволжских городов представляли собой замкнутый уличным контуром жилой массив, состоящий из нескольких жилых домовладений» [5, с. 142]. На языке «родных осин» это, очевидно, означает, что вдоль всей улицы тянулись однообразные глинобитные стены с калитками или глухими воротами во дворы, периодически прерываемыми еще более узкими переулками. Во-вторых, центральные 10-метровые улицы (ширина улицы заурядной русской деревни) были «переполнены людьми» (Ибн-Батута). А если учесть, что уличная сеть золотоордынского города, кроме своей чисто магистральной функции, «являлась еще и матрицей, на которую накладывались дренажные и арычные системы. Она являлась основным способом водоснабжения средневекового золотоордынского города на Нижней Волге» [5, с. 143], то плутать по этим тесным, забитыми людьми, зауженными еще и арыками, из которых нельзя было напиться без риска подцепить какую-нибудь кишечную заразу, улицам («Открытый характер неукрепленных каналов и арыков исключает использование подающейся по ним воды в качестве питьевой. Арыки, как гидротехнические сооружения, могли использоваться для подачи воды, употреблявшейся в технических и хозяйственных целях» [5, с. 143]), для привыкшего к открытым пространствам степняка удовольствие было «ниже среднего».

Едва ли есть смысл сомневаться в том, что рядовой кочевник-орат не имел доступа в усадьбы зажиточных горожан и уж тем более в усадьбы городской знати (хотя в Степи Великая Яса Чингисхана такую возможность, хотя бы формально, ему предоставляла: «Если кто проезжает подле людей, когда они едят, он должен сойти с лошади, есть с ними без их позволения, и никто из них не должен запрещать ему это» [15, Прил. 2. Яса, §13]). Ну, а что он мог увидеть в домах своих «товарищей по классу», представителей городского плебса? Землянки небольших размеров, с земляными же полами и перекрытые камышовой кровлей. Отапливались они открытыми очагами-кострищами, иногда обложенными кирпичом или обмазанные глиной, печами, сложенными из обожженного или сырцового кирпича⁹, канами. Как там жилось внутри – это вопрос. Но в чем можно не сомневаться, так это в том, что, в отличие от войлочной юрты, паразитов там хватало. Лепящиеся к внешним стенам усадеб зажиточных горожан – ремесленников и феодалов

⁹ Где у них там были дымоходы и вообще были ли они, из материалов раскопок понять невозможно.

или сгрудившиеся вплоты друг к другу (на городище Шареный бугор на площади около 150 м² выявлены 22 землянки [5, с. 134; рис. 14]) подобные жилища, олицетворяющие городской стиль жизни, вряд ли могли вдохновить кочевника-степняка на добровольное переселение в город.

В определенный период времени (улучшалось материальное благосостояние горожан?) землянки засыпались и на их месте строились наземные однокомнатные дома на сырцовом цоколе, с глинобитными или сырцовыми полами. Зачастую являвшиеся частью усадьбы [17, с. 221]. Они являлись «основным модулем квартальной застройки и иррегулярной застройки пригородов», в которых проживало рядовое население золотоордынских городов» [5, с. 154]. Площадь их была невелика – в среднем 16 м².

Усадьбы горожан среднего достатка, исследованные Э.Д. Зиливинской на Селитренном (Сарай-Бату) и Царевском (Сарай-Берке) городищах, снаружи хотя и представляли собой довольно внушительные сооружения (20x20 м – Селитренное городище, раскоп XV; 14x12 м – Царевское городище), но внутри это были «соты» с комнатами-ячейками в 20–25 м² [18]. Отсчитайте 5x4 или 5x5 шагов – вот это будет реальное жизненное пространство одной комнаты многокомнатного жилищного дома. Естественно, без окон и вентиляции. Кроме как спать, там вряд ли что можно было еще делать.

Усадьбы социальных верхов золотоордынского города а priori должны были являться притягательным объектом для кочевой степной знати, часть которой, как считают исследователи, уже переселилась в города. Характеристику феодальной усадьбы золотоордынского города я приведу словами археологов, эти самые усадьбы исследовавших непосредственно: «По основным конструктивным особенностям он (дом владельца усадьбы – В.И.) не отличается от домов городского плебса. Так же, как и при строительстве домов рядового населения города, в качестве основного строительного материала используется сырцовый кирпич. **Главным отличием усадебных построек социальной верхушки от построек городского плебса являются их размеры, использование при строительстве жженого кирпича и наличие архитектурного декора** (выделено мной – В.И.). ... Несмотря на значительную площадь построек и наличие архитектурного декора, усадебные дома, видимо, **были невысокими и не очень удобными для жизни** (выделено мной – В.И.)» [17, с. 222 и сл.].

Чтобы усилить представление о том впечатлении (сразу оговорюсь – на мой взгляд, не слишком ярком), которое мог произвести золотоордынский город на степняка, не удержусь от соблазна привести несколько фотографий натуральных декораций к фильму «Орда», являющихся сейчас частью историко-археологического музея-заповедника «Городище Селитренное – город Сарай-Бату».

Автору этих строк, более 10 лет проведенному в степных экспедициях, среди этих серых стен было тесно и пыльно¹⁰.

¹⁰ А после дождя здесь, очевидно, еще и грязно, в отличие от степи, которую дождь делает веселее.

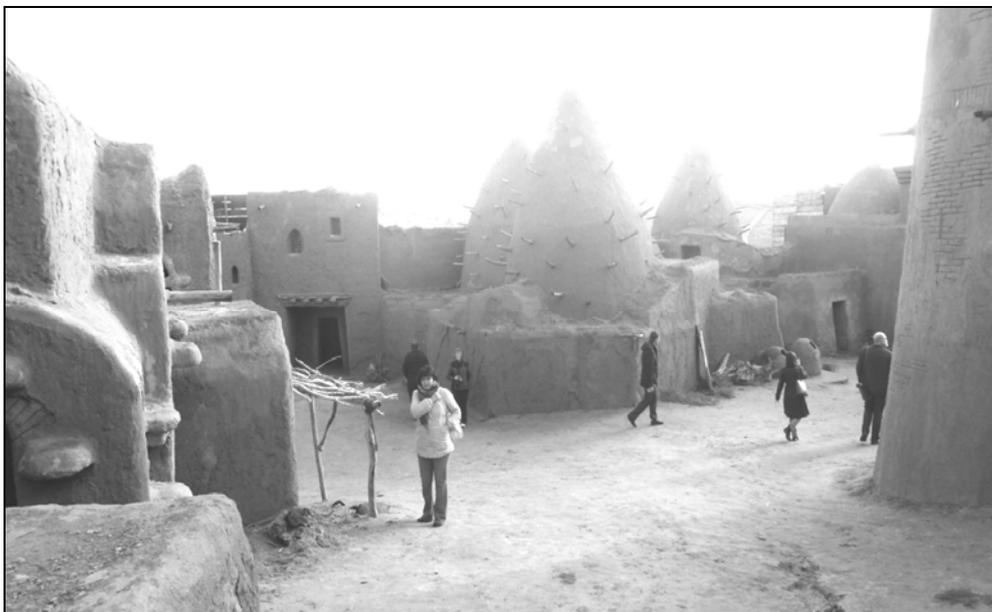

Рис. 2. Улицы Сарай-Бату. Натурная декорация к фильму «Орда». Фото автора. 2011 г.

Рис. 3. Сарай-Бату. Площадь перед ханским дворцом. Натурная декорация к фильму «Орда». Фото автора. 2011 г.

Соединение в нашем сознании двух «миражей» порождает «химеру» – в данном случае химеру «имперской культуры Золотой Орды»¹¹. Впервые с более-менее развернутой характеристикой этого понятия автор этих строк познакомился в книге Д.М. Исхакова и И.Л. Измайлова, посвященной этнополитической истории татар: «Имперская культура Золотой Орды складывалась в результате творческой активности практически всех народов, входивших в состав государства, осваивая принесенный завоевателями на запад культурный репертуар. Наиболее ярко чингизидские традиции проявлялись в культурном круге социально престижных изделий, являвшихся принадлежностью и отличительной чертой военно-служилой знати – крою костюма, системе поясной гарнитуры, предметов оружия и конского снаряжения, других аксессуаров. **Разумеется, полностью единой эта культура не была, поскольку изначально была строго социально ориентирована** (выделено мной – В.И.). Однако в начале XIV в., по мере роста городов в Улусе Джучи, прежде всего в Поволжье, здесь пышно распускается новая урбанистическая восточная средневековая культура, «культура поливных чаш и мозаичных панно на мечетях, арабских звездочетов, персидских стихов и мусульманской духовной учености, толкователей Корана, математиков и астрономов, изысканно тонкого орнамента и каллиграфии» [23, с. 107]. Таким образом, исследователи четко обозначили как минимум дуальность «имперской культуры Золотой Орды» и тот разлом, который эту дуальность обусловил – формирование в степи урбанистической культуры. Со времени появления в степях Нижнего Поволжья городов мы уже можем говорить о формировании двух «Золотых Орд»: городской и степной кочевнической.

Следующая «химера» («химера №2») – это культуртрегерская функция Золотой Орды в отношении как к собственному степному населению, так и к населению соседних с ней территорий, в частности – территорий Урало-Поволжья.

Элементы городской «имперской культуры», абсолютно отсутствующие в степи, обозначены только что. Вместе с тем, в исторической науке прочно утвердилось мнение о господстве Золотой Орды над народами региона, емко выраженное И.В. Антоновым: «бесспорно, что под властью Золотой Орды на протяжении...относительно стабильного периода ее истории, т.е. с середины XIII и до середины XIV в. находились башкиры, булгары, марийцы, чувашаи и мордва-мокша. В отношении же мордвы-эрзи, южных удмуртов (арских людей, а также носителей чумойтлинской культуры) и коми-пермяков нет достаточных оснований для столь однозначного вывода, но, тем не менее, **их земли тоже находились в сфере военно-политического влияния монголов**» (выделено мною – В.И.) [1, с. 178]. Не менее выразительно и наглядно это мнение представлено на карте расцвета Белой Орды при Узбек-хане, составленной А.А. Астайкиным, на которой Среднее Поволжье (до устья Ветлуги), Нижнее и Среднее Прикамье (до устья Чусовой), Южный Урал целиком показаны как часть административных территорий улуса Джучи [2, с. 296–297].

Отсюда вытекает вполне естественный вывод о том, что золотоордынская «имперская культура» могла (и, очевидно, должна была) каким-то обра-

¹¹ Напомню – в понятие «химера» я вкладываю его энциклопедический смысл: «неосуществимая мечта, причудливая фантазия».

зом отложиться в культуре тех народов региона, которые находились под властью Золотой Орды или входили в сферу ее военно-политического влияния. Однако, прежде чем приступить к рассмотрению данного вопроса, необходимо обратиться к этнической географии Волго-Уральских территорий Золотой Орды в том ее виде, как это позволяют нам данные археологии. Собственно говоря, подобная работа уже проделана И.В. Антоновым, но составленная и опубликованная им карта очень мелкомасштабная, а потому этнические территории внутри рассматриваемого региона читаются с трудом, хотя тенденцию можно проследить и по ней [1, карта №3].

В целом же этногеографическая ситуация Волго-Камья и Приуралья в XIII–XIV вв., обозначенная по данным археологии, представляется следующей. От города Булгара до крайних восточных мордовских городищ – Федоровского, Понетаевского, Ичалковского – в верховьях Алатыря и Иссы [38, с. 129] по прямой более 300 км, что составляет не менее недели сухопутного пути. От крепости Казань до самых ближних к ней марийских поселений между устьями Илети и Малой Кокшаги [38, с. 169] – более 50 км или полтора-два дня пути (по реке, наверное, и побольше). От самого северного золотоордынского города Алабуга до самых южных удмуртских (чепецких) поселений [38, с. 213] – не менее 270 км (и не менее недели пути) (рис. 4.). Правда, Р.Д. Голдина считает, что в XIII в. бассейн Чепцы запустевает [12, с. 374], но какие-то группы удмуртов там все равно могли остаться.

То есть путнику того времени, чтобы добраться до территорий, заселенных собственно золотоордынским населением – носителями «имперской культуры», понадобилось бы потратить на это несколько дней.

Исключение составляют башкирские племена, чья этническая территория для XIII–XIV вв. восстановленная Р.Г. Кузеевым по данным исторической этнографии и топонимии [30, с. 149–151], была, как известно, поделена между улусами Бату и Шибана (рис. 4).

Материальная культура Золотой Орды представлена четырьмя категориями артефактов: керамика (в первую очередь гончарная и поливная), украшения тела и костюма, бронзовые зеркала, вооружение и принадлежности конского снаряжения. Причем, по наблюдениям исследователей, и по территории самой Золотой Орды эти элементы были распространены неравномерно. Так, керамика золотоордынских городов Нижнего Поволжья, состоящая из азовской (лощенная с красным ангобом), крымской (с желтой и зеленой поливой), тимуридской кашинной, хорезмийской (серо-глиняные мореные котлы) и др. посуды [16, с. 171 и сл.], на территории Волго-Уральского региона присутствует в таком незначительном количестве, что едва ли может свидетельствовать в пользу ее массового использования местным населением: на Южном Урале она не присутствует вообще, за исключением нескольких обломков красноглиняной гончарной керамики с территории Турналинского городища на Южном Урале, которая, по мнению Г.Н. Гарустовича, свидетельствует о болгарском направлении торгово-экономических связей приуральских племен [9, с. 23–24].

Типология керамики Волжской Булгарии золотоордынского периода, разработанная Н.А. Кокориной, показывает, что из пяти основных групп керамики, характерных для данного периода (XVIII–XXII), только две (XIX и XXI) связаны с населением внутренних территорий Монгольской империи –

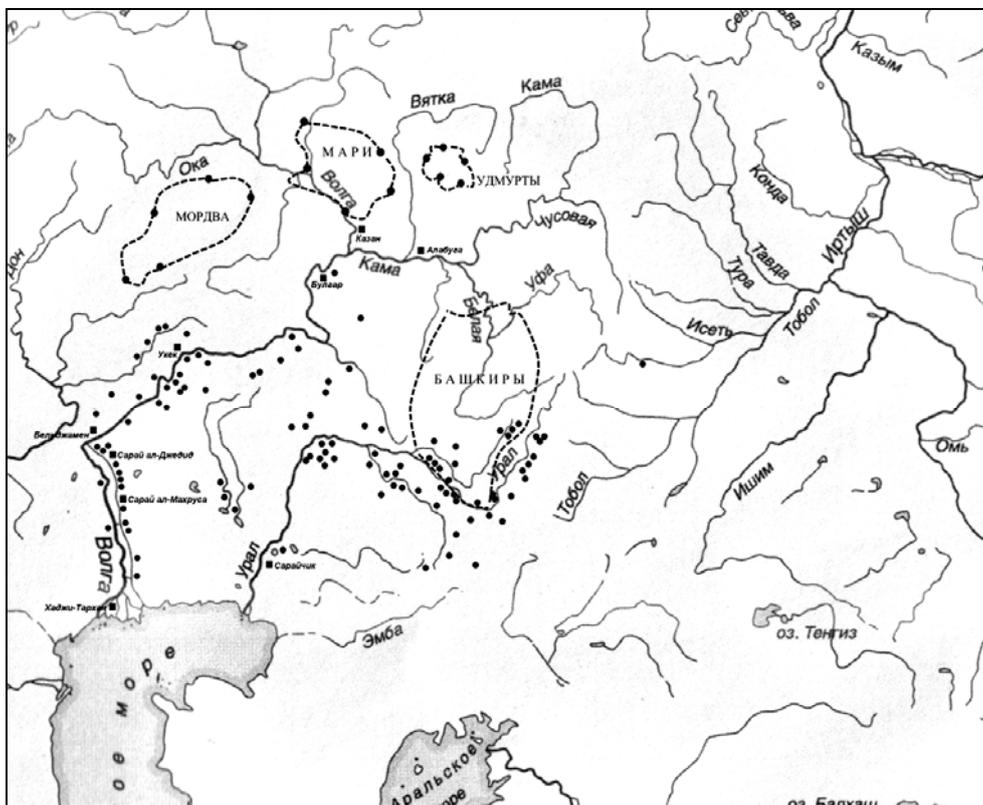

Рис. 4. Этнокультурная карта Урало-Поволжья в XIII–XIV вв.

Черные кружки – курганы кочевников; черные кружки в пунктире – пограничные археологические памятники, очерчивающие этнические территории.

Средней Азией и Дешт-и-Кыпчаком. Но широкого распространения среди населения Волго-Уральского региона они не получили. О чем, в частности, свидетельствуют статистика болгарской («болгарско-татарских традиций») керамики с поселений XIII–XV вв. Марийского Поволжья [8, с. 320] и резкое сокращение в это же время памятников с круговой посудой на мордовских территориях [4, с. 103]. Остальные отражают традиционные этнокультурные связи болгар с поволжскими финнами, приуральскими уграми и славянами, корнями своими уходящие еще в домонгольское время [26, с. 97–113].

Как совершенно справедливо отмечает А.М. Белавин, «частое и устойчивое появление в керамическом комплексе определенной археологической культуры керамики иного происхождения связывают не только с экономическим воздействием, но либо с каким-то переселением тех или иных групп инокультурного населения в местную среду, либо с какими-то иными формами этнического проникновения (браки, наличие пленников или невольников и т.п.). Таким образом, **находки импортной керамики особенно в массовых количествах** (выделено мной – В.И.), на памятниках Предуралья – показатель высокого уровня не только торговых, но и определенных этнокультурных связей» [32, с. 65]. По словам А.М. Белавина, поливная и неполиванная ке-

радика, свидетельствующая о проживании в XIII–XIV вв. на предуральских поселениях болгар и других представителей Орды, найдена на Рождественском, Кудымкарском и Кыласовском городищах в Прикамье. Но без соответствующих количественных показателей это свидетельство не привлекает к себе должного внимания [3, с. 136].

«Имперская культура» кочевой золотоордынской степи – это, по сути, несколько категорий вещей, принесенных монголами (?) с востока и в XIII–XIV вв. получивших широкое распространение среди кочевников Восточной Европы, полностью утратив свою этничность. К ним относятся: серьги-подвески в виде знака «?», бронзовые зеркала с орнаментированной тыльной поверхностью, железные плоские наконечники стрел-срезни, костяные орнаментированные накладки на колчан, головной убор-бокка (рис. 1, 5).

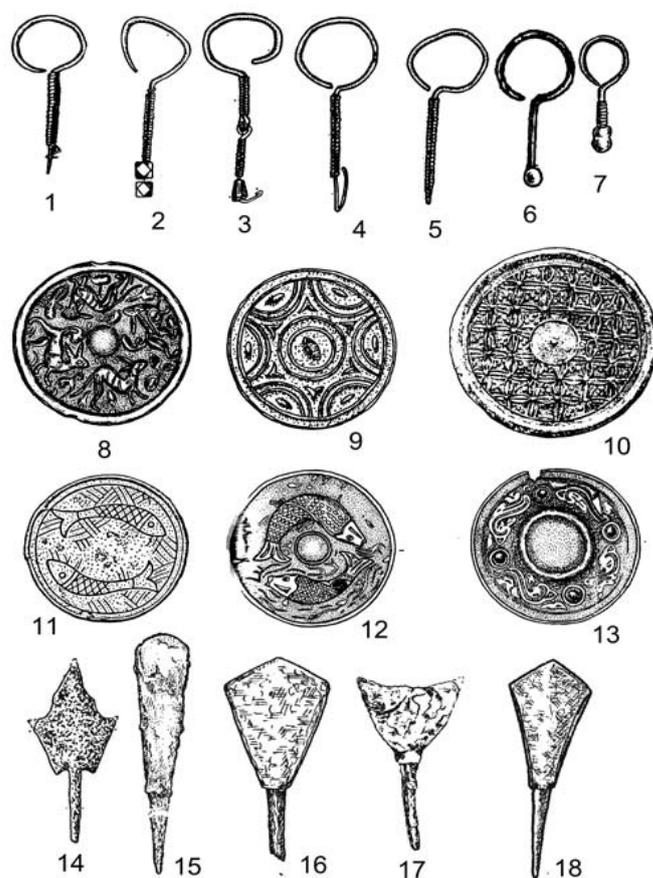

Рис. 5. Элементы степной «имперской культуры» Золотой Орды.

1–7 – серьги-подвески в виде знака «?»; 8–13 – бронзовые зеркала;

14–18 – наконечники стрел-срезни.

Ни один из перечисленных видов украшений в Волго-Уральском регионе за пределами собственно золотоордынской территории не встречен. По наблюдениям Г.Ф. Поляковой, детально проанализировавшей изделия из цветных металлов золотоордынского Болгара, здесь представлен практически

весь набор украшений и убранства костюма, характерный для восточноевропейских кочевников эпохи Золотой Орды [13, с. 172, 213, 215]. Следовательно, можно было бы ожидать, что, в продолжение домонгольских культурных связей и влияния Волжской Булгарии на соседние народы региона, изделия болгарских ремесленников-ювелиров будут поступать в Волго-Камье и в период золотоордынского владычества. Однако этого не наблюдается. Напротив, в рассматриваемый период в Прикамье, например, заметно усиливается роль местных мастеров с их ориентацией на технологические и эстетические традиции западных территорий.

И, наконец, еще более выразительную картину дает нам анализ предметов вооружения и конского снаряжения – не менее массовой категории золотоордынской культуры. На ней следует остановиться несколько подробнее. Если керамика – категория повседневности – отражает обыденную жизнь общества и не соотносится, как правило, с социально-политическими нюансами его бытия, то «навязывание» ее «сверху» в принципе едва ли возможно. Поэтому гончарная керамика золотоордынских типов если и проникала в среду местных волго-уральских народов, то спорадически, абсолютно не влияя на технологию изготовления и ассортимент местных традиционных форм.

То же самое можно сказать и об украшениях и деталях костюмного убранства, которые рассматриваются не только как часть материальной культуры, но и как особый символический мир, формирующийся на протяжении многих эпох и органично связанный с эстетическими и мировоззренческими традициями. Изменение последних и внедрение в структуру этого символического мира новых элементов возможно только в результате мощных этнических катаклизмов, меняющих самое этнокультурное содержание данного социума. Чего, как мы знаем, в золотоордынскую эпоху на большей части территории Волго-Уральского региона уже не происходило.

Иное дело вооружение и связанное с ним конское снаряжение – наиболее динамичные и легче всего воспринимаемые категории материальной культуры. И они не могут быть иными, поскольку связаны с главной функцией любого социума – самозащитой. Следовательно, применительно к нашей теме, было бы вправе ожидать широкого распространения наиболее эффективного по тем временам золотоордынского вооружения и конского снаряжения по всему Волго-Уральскому региону. Однако и здесь картина наблюдается иная. Так, по данным К.А. Руденко, наиболее массовый вид золотоордынского вооружения – наконечники стрел типов А3, А13, А15а, Б27, Б46а, Б47, Б54б единичными экземплярами рассеяны по всей территории Волжской Булгарии [33, с. 75–106]. Подобные наконечники стрел, являвшиеся наиболее частой находкой в погребениях золотоордынских кочевников¹², за пределами Волго-Уральской степи встречаются крайне редко и в единичных экземплярах. Например, у мордовских племен, которые, по сути своей, составляли часть военной машины Золотой Орды, единственный вид золотоордынского «имперского» оружия наконечники-срезни типов 10, 11, 12, 13 – представлен всего лишь пятнадцатью экземплярами. И вообще, ордынское оружие среди мордвы почему-то не пользовалось популярностью [34, с. 16 и сл.; с. 109–114].

¹² По моим подсчетам, 77% кочевнических погребений Волго-Уралья XIII–XIV вв. содержат наконечники этих и других типов.

Севернее, в лесах Прикамья – на городищах Иднакар, Анюшкар, Редикарское, Рождественское – образцы золотоордынского оружия представлены в общей сложности 26-ю срезями, причем *in situ* найденными так, что они указывают только на одно обстоятельство их попадания туда – военный набег ордынцев [21, 14, 18; 3, с. 136].

Единственное в Южном (лесостепном) Предуралье крупное местонахождение золотоордынских вещей – несколько сотен наконечников стрел, орудий труда, принадлежностей конской сбруи, украшений, керамики, а главное – монет 70-х годов XIV в. – у с.Брик-Алга на юго-западе современного Башкортостана, по мнению его исследователей, является свидетельством разграбления крупного торгового болгарского каравана в период «Ордынской замятни» [10; 11].

Итак, «имперская культура Золотой Орды» – «химера №1», ее влияние на соседей – «химера №2». «Имперских культур» в этом государстве было две – городская и степная кочевническая, каждая из которых развивалась и существовала сама для себя. Они не просто существовали сами в себе, но они еще и контрастировали, что я и попытался показать приведенными выше примерами. Подобный контраст не мог сохраняться бесконечно и, достигнув к концу XIV в. «удручающей силы» [22, с. 578], завершился ее, «имперской культуры», да и всей Золотой Орды, распадом. Заметим – не под ударами извне, а в силу отсутствия внутренних культурных и психологических скреп: в городе – Ислам с его культурой, в степи – Великая Яса с ее культурой («Когда хотят есть животное, должно связать ему ноги, распороть брюхо и сжать рукой сердце, пока животное умрет, и тогда можно есть мясо его; но если кто зарежет животное, **как режут мусульмане** (выделено мной – *В.И.*), того зарезать самого» – §8; «Он запретил мыть их платье в продолжение ношения, пока совсем не износится» – §15; «Мужчинам разрешается заниматься только войной и охотой» – §53).

Таким образом, появление в степях Нижнего Поволжья городов явилось началом конца Великой степной империи – Золотой Орды (Улуса Джучи). Великая Монгольская империя Чингиз-хана к тому времени уже рассыпалась и так. В чем, собственно говоря, она была не оригинальна: все ее предшественницы – империи гуннов и тюрок – существовали тоже недолго. Поэтому героическая (и, с позиций современности) наивно-романтическая попытка хана Токтамыша, воспетая¹³ двумя яркими современными историками Золотой Орды – И.М. Миргалеевым и В.А. Злыгостевым [19; 31], возродить былое величие этого государства была «химерой №3».

После распада Золотой Орды ее кочевые наследники – ногайцы, киргизкайсаки (казахи), калмыки, ойраты (буряты), халха-монголы¹⁴ жили и, судя по их истории и культуре, обходившейся без собственных городов, жили вполне неплохо еще 400 лет, вплоть до 1917 года. Дальнейшие комментарии – они нужны ли?

¹³ И прошу читателей не искать здесь никакой иронии!

¹⁴ Пусть и не Золотой Орды, но наследники Великой Монгольской империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов И.В. Этническая история Волго-Уральского региона в XIII – начале XV вв. (историко-археологическое исследование). Уфа: «Гилем», 2006. 226 с.
2. Атлас Tartarica. Казань; М.; СПб., 2005. 888 с.
3. Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: ПГПУ, 2000. 196 с.
4. Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза: Изд-во ПГПУ, 2003. 199 с.
5. Блохин В.Г., Яворская Л.В. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. 226 с.
6. Васильев Д.В. Женское захоронение в сырцовом мавзолее золотоордынского времени // Древности волго-донских степей. Вып. 6. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1998. С.101–112.
7. Власкина М.В., Гармашов А.И., Доде З.В., Науменко С.А. Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VI. М.: ГУП «Наследие», 2006. 335 с.
8. Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения). Йошкар-Ола: 2007.
9. Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 1998. 26 с.
10. Гарустович Г.Н. След великой замятни. Местонахождение XIV века у деревни Брик-Алга. Уфа: Гилем, 2012. 219 с.
11. Гарустович Г.Н., Рязанов С.В., Яминов А.Ф. Брик-Алгинское местонахождение XIV века в Башкирском Приуралье. Уфа: Тау, 2005. 151 с.
12. Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 1999. 464 с.
13. Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: Институт языка, литературы и искусства (ИЯЛИ) им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1996. 314 с.
14. Джованни дель Пано Карпини. История Монгалов / Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны/ Книга Марко Поло. М.: Мысль, 1997. 270 с.
15. Доманин А.А. Монгольская империя Чингизидов. Чингисхан и его преемники. М.: Центрполиграф, 2010. 432 с.
16. Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Казань: Школа, 2005. 220 с.
17. Зеленева Ю.А., Курочкина С.А. Золотоордынский город Сарай ал-Джедид (Результаты археологических исследований на Царевском городище в 1994–2000 гг.). Йошкар-Ола: МарГУ, 2009. 263 с.
18. Зиливинская Э.Д. Усадьбы золотоордынских городов. Издательский дом «Астраханский университет», 2008. 171 с.
19. Злыгостев В.А. Тохтамыш. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2012. 480 с.
20. Иванов В.А. Социальный мир Золотой Орды и его отражение в археологических материалах // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». Вып. 1. Казань: Фэн, 2009. С. 15–23.
21. Иванова М.Г. Городище Иднакар IX–XIII вв.: материалы исследований территории между валами (1989–1992). Ижевск, 1995.
22. История татар с древнейших времен. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. 1051 с.
23. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2007. 354 с.

24. *Каримова Р.Р.* Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2010. 23 с.
25. *Каримова Р.Р.* Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация). Серия «Археология евразийских степей». Вып. 16. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. 211 с.
26. *Кокорина Н.А.* Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в. Казань: Институт истории АН Татарстана, 2002. 383 с.
27. *Кравец В.В., Березуцкий В.Д., Бойков А.А.* Погребения кочевой знати золотоордынского времени в курганной группе «Высокая гора» на юге Воронежской области // *Донская археология*. 2000. №№ 3–4.
28. *Крамаровский М.Г.* Золото Чингисидов: джучидская сокровищница // *Сокровища Золотой Орды*. СПб.: Акционерное общество Славия, 2000. С. 132–208.
29. *Крупа Т.Н.* Исследование костюма золотоордынского времени из кургана 2 группы Токовские могилы // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Т. 6. Донецк: Ин-т археологии НАН Украины; Донецкий нац. ун-т, 2008. С. 215–268.
30. *Кузеев Р.Г.* Историческая этнография башкирского народа. Уфа: Башкирское издательство, 1978. 262 с.
31. *Миргалеев И.М.* Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.
32. Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Ижевск; Глазов, 1999. 301 с.
33. *Руденко К.А.* Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Казань: Нац. музей РТ, 2003. 511 с.
34. *Святкин С.В.* Вооружение и военное дело мордовских племен в первой половине II тыс. н.э. Саранск, 2001. 276 с.
35. *Супруненко А.Б., Маевская С.В.* Погребение золотоордынского времени с остатками костюма девочки-кочевницы на Нижнем Псле // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Т. 8. Донецк: ДонНУ, 2010. С. 295–340.
36. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 189 с.
37. *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М.: МГУ, 1973. 178 с.
38. Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. 387 с.

Сведения об авторе: Владимир Александрович Иванов – заведующий кафедрой Всеобщей истории и культурного наследия Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы, доктор исторических наук, профессор (450000, ул. Октябрьской революции, 3а, Уфа, Башкортостан); ivanov-sanpuch@rambler.ru

CHIMERAS AND MIRAGES OF THE GOLDEN HORDE

V.A. Ivanov

(M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University)

The article examines the problem of so-called "imperial culture" of the Golden Horde. The author analyzes the archaeological material regarding it as a component of "imperial culture". The author evaluates the quality of the archaeological material as well as the

breadth and intensity of its distribution among the population of the Golden Horde and the neighboring tribal areas, which the author considers a priori as consumers of this "imperial culture". Based on this analysis, the author concludes that in general, the concept of "imperial culture" of the Golden Horde is a chimera. In turn, the expected powerful effect of "imperial culture" of the Golden Horde in the culture of neighboring peoples of the Urals and the Volga region is a mirage created by the imagination of researchers.

Keywords: Golden Horde, Imperial culture, Great Yasa, social status, bocca, Chimera, Mirage.

REFERENCES

1. Antonov I.V. *Etnicheskaia istoria Volgo-Uralskogo regiona v XIII – nachale XV vv. (istoriko-arkheologicheskoe issledovanie)* [The ethnic history of the Volga-Ural region in the 13th – the beginning of the 15th centuries (historical and archaeological study)]. Ufa, Gilem Publ., 2006. 226 p.
2. *Atlas Tartarica*. Kazan; Moscow; St. Petersburg., 2005. 888 p.
3. Belavin A.M. *Kamskyi torgovy put. Srednevekovoe Preduralie v ego ekonomicheskikh i kulturnykh svyazjah* [Kama trade route. Medieval Urals region in its economic and ethnic-cultural relations]. Perm, Perm State Pedagogical University Publ., 2000. 196 p.
4. Belorybkin G.N. *Zapadnoe Povoljje v srednie veka* [Western Volga region in the Middle Ages]. Penza, Penza State Pedagogical University Publ., 2003. 199 p.
5. Blohin V.G., Javorskaja L.V. *Arheologia zolotoordynskikh gorodov Nijnego Povoljia* [Archaeology of the Golden Horde towns of the Lower Volga region]. Volgograd, Volgograd State University Publ., 2006. 226 p.
6. Vasiliev D.V. *Jenskoe zahoronenie v syrcomom mavzolee zolotoordynskogo vremeni* [Female burial in the Golden Horde mausoleum built of adobe bricks]. *Drevnosti Volgo-Donskikh stepei. Sbornik statei*. [Antiquities of the Volga-Don steppes]. Collection of articles]. Volgograd, Volgograd State University Publ., 1998, is. 6, p. 101–112.
7. Vlaskina M.V., Garmashov A.I., Dode Z.V., Naumenko S.A. *Pogrebenija znati zolotoordynskogo vremeni v mejdurechie Dona I Sala* [Burials of Nobility of the Golden Horde Times in the Interfluvium of Don and Sal]. *Materialy po izucheniju istoriko-kulturnogo nasledia Severnogo Kavkaza* [Materials for the study of historical and cultural heritage of the Northern Caucasus]. Moscow, GUP "Nasledie" Publ., 2006, is. VI. 355 p.
8. *Vlijanie prirodnoi sredy na razvitie drevnykh soobshestv* [The influence of the environment on the development of ancient communities]. *IV Halikovskie chtenia. Sbornik statei* [IV read memory Halikov: Collected articles]. Ioshkar-Ola, 2007.
9. Garustovich G.N. *Naselenie Volgo-Uralskoi lesostepi v pervoi polovine II tysjacheletia nashei ery* [The population of the Volga-Ural forest-steppe in the first half of II Millennium BC]. Avtoref. Diss. ... Kand. Ist. Nauk [Author's abstract of the dissertation of the candidate of historical studies]. Ufa, 1998. 26 p.
10. Garustovich G.N. *Sled veliky zamjatni. Mestonahojdenie XIV veka u derevni Brik-Alga* [Trace of the Great Civil Strife. Location of the 14th century near the village of Brik-Alga]. Ufa, Gilem Publ., 2012. 219 p.
11. Garustovich G.N., Rjazanov S.V., Jaminov A.F. *Bric-Alginskoe mestonahojdenie XIV veka v Bashkirskom Priuralie* [Location of the XIV century near the village of Brik-Alga in the Bashkir Ural]. Ufa, Tau Publ., 2005. 151 p.
12. Goldina R.D. *Drevnjaia I srednevekovaja istoria udmurtskogo naroda* [Ancient and medieval history of the Udmurt people]. Ijevsk, Udmurtskiy Universitet Publ., 1999. 463 p.
13. Gorod Bolgar. *Remeslo metallurgov, kuznecov, liteishikov* [The City of Bolghar. Handicraft of metallurgists, blacksmiths, and foundry workers. Collection of articles].

Kazan, Institut yazyka, literatury i iskusstva im. G. Ibragimova Akademii Nauk Respubliki Tatarstan, 1996. 314 p.

14. Giovanni del Plano Carpini, Istorija Mongalov [Giovanni del Plano Carpini, History of the Mongols]. Guillaume de Rubruck. *Journey to the East. Book of Marco Polo*. Moscow, Mysl Publ., 1997. 270 p.

15. Domanin A.A. *Mongolskaja imperia Chingizidiv. Chingiskhan I ego preemniki* [The Mongol Empire of Genghis Khan. Genghis Khan and his successors]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2010. 432 p.

16. *Drevnosti Povoljia: epoha srednevekovia (issledovania kulturnogo nasledlja Voljskoi Bulgarii I Zolotoi Ordj)* [The antiquity of the Volga region: the middle ages (the study of the cultural heritage of the Volga Bulgar and the Golden Horde)]. *Sbornik statei* [Collection of articles]. Kazan, Shkola, 2005. 220 p.

17. Zeleneev J.A., Kurochkina S.A. *Zolotoordynsky gorod Sarai al-Djedid (Rezultaty archeologicheskikh issledovanii na Carevskom gorodishe v 1994–2000 gg.)* [The Golden Horde city of Sarai al-Jadid (Results of archaeological research on Carev settlement between 1994–2000)]. Ioshkar-Ola, Mari State University Publ., 2009. 263 p.

18. Zilivinskaja E.D. *Usadby zolotoordynskikh gorodov* [Estates of the Golden Horde Cities]. Astrakhan, Astrakhan University Publ., 2008. 171 p.

19. Zlygostev V.A. *Tohtamysh* [Tokhtamysh]. Ufa, DizaynPoligrafServis Publ., 2012. 480 p.

20. Ivanov V.A. Socialny mir Zolotoi Ordj I ego otrazhenie v archeologicheskikh materialah [The social world of the Golden Horde and its reflection in the archaeological materials]. *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy vtoroy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordj»* [Heritage of the Golden Horde: Materials of International scientific conference «Political and social-economic history of the Golden Horde (XIII–XV centuries)». Kazan, Fen Publ., 2009, is. 1, pp. 15–23.

21. Ivanova M.G. *Gorodishe Idnakar IX–XIII vv.: materialy issledovanii territorii mejdu valamy (1989–1992)* [Idnakar settlement of the 9th–13th centuries: materials of research of the territory between the shafts (1989–1992)]. Izhevsk, 1995.

22. *Istorija tatar s drevneishikh vremen. Tom III. Ulus Djuchi (Zolotaja Orda). XIII – seredina XV v.* [History of the Tatars from the Earliest Times in Seven Volumes. Vol. III. The Ulus of Jochi (the Golden Horde). 12th – mid–15th centuries]. Kazan, 2009. 1051 p.

23. Iskhakov D.M., Izmailov I.L. *Etnopoliticheskaja istoria tatar (III – seredina XVI vv.)* [Ethnopolitical history of the Tatars (3rd – middle of the 16th century)]. Kazan, Shkola, 2007. 354 p.

24. Karimova R.R. *Elementy ubranstva i aksessuary kostjuma kochevnikov Zolotoi Ordj (tipologija i sociokulturnaja interpretacija)* [The elements of decoration and costume accessories of the Golden Horde nomads (typology and socio-cultural interpretation)] – Avtoref. Kand. Diss. [Author's abstract of the dissertation of the candidate of historical studies]. Kazan, 2010. 23 p.

25. Karimova R.R. *Elementy ubranstva i aksessuary kostjuma kochevnikov Zolotoi Ordj (tipologija i sociokulturnaja interpretacija)* [The elements of decoration and costume accessories of the Golden Horde nomads (typology and socio-cultural interpretation)]. Seriya «Arkheologiya evrazijskikh stepey». Vyp. 16 [Series “Archaeology of the Eurasian steppes”. Issue 16]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2013. 211 p.

26. Kokorina N.A. *Keramika Voljskoi Bulgarii vtoroi poloviny XI – nachala XV v.* [Volga Bulgar Ceramics of the second half of the 9th- early 15th centuries]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2002. 383 p.

27. Kravets V.V., Berezuckii V.D., Boikov A.A. Pogrebenija kochevoi znati zolotoordynskogo vremeni v kurgannoi gruppe “Vysokaja gora” na juge Voronejskoi oblasti

[Burial of nomadic nobility of the Golden Horde time in Kurgan group "Vysokaya Gora" in the south of Voronezh region] *Donskaja archeolgia* – Don archaeology, 2000, no 3–4.

28. Kramarovskiy M.G. Zoloto Chingizidov: djuchidskaja sokrovishnica [The Gold of the Genghisids: Jochid Treasuries]. *Sokrovisha Zolotoi Ordyy* [Treasures of the Golden Horde]. St. Petersburg, Aktsionernoe obshchestvo Slaviya Publ., 2000, pp. 132–208.

29. Krupa T.N. Issledovanie kostjuma zolotoordynskogo vremeni iz kurgana 2 gruppy Tokovskie mogily [Study of costume of the Golden Horde period from the barrow 2 in the Tokovka grave group]. *Stepi Evropy v epohu srednevekovja. Sbornik statey*. Vol. 6 [Steppes of Europe in the middle ages. Collected articles. Vol. 6]. Donetsk: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine; Donetsk National University Publ., 2008. pp. 215–268.

30. Kuzeev R.G. *Istoricheskaja etnografija bashkirskogo naroda* [Historical Ethnography of the Bashkir people]. Ufa, Bashknigoizdat Publ., 1978. 262 p.

31. Mirgaleev I.M. *Politicheskaja istoria Zolotoi Ordyy perioda pravlenia Toktamysh-khana* [Political History of the Golden Horde during the Reign of Khan Toktamysh]. Kazan, Alma-Lit Publ., 2003. 164 p.

32. Novye issledovania po srednevekovoi archeologii Povoljia i Priuralja. *Sbornik statey* [New studies in medieval archaeology of the Volga and Ural regions. Collected articles]. Izhevsk; Glazov, 1999. 301 p.

33. Rudenko K.A. *Jeleznye nakonechniki strel VIII–XV vv. Iz Voljskoi Bulgarii* [Iron arrowheads of the 8th–15th centuries from Volga Bulgaria]. Kazan, The National Museum of the Republic of Tatarstan, 2003. 511 p.

34. Svjatkin S.V. *Voorujenie i voennoe delo mordovskih plemen v pervoi polovine II tys.n.e.* [Arms and military art of Mordovian tribes in the first half of the II millennium BC]. Saransk, 2001. 276 p.

35. Suprunenko A.B., Maevskaja S.V. Pogrebenie zolotoordynskogo vremeni s ostatkami kostjuma devochki-kochevnicy na Nijnem Psle [Golden Horde burial with the remains of costume of nomad girl in the Lower Psle]. *Stepi Evropy v epohu srednevekovja. Sbornik statey*. Vol. 8 [Steppes of Europe in the middle ages. Collected articles. Vol. 8]. Donetsk, Donetsk National University Publ., 2010, pp. 295–340.

36. Fedorov-Davydov G.A. *Iskusstvo kochevnikov i Zolotoi Ordyy. Ocherki kultury i iskusstva narodov Evrazijskih stepei i zolotoordynskih gorodov* [The art of the nomads and the Golden Horde. Essays on the culture and art of the peoples of Eurasian steppes and the Golden Horde towns]. Moscow, Art Publ., 1976. 189 p.

37. Fedorov-Davydov G.A. *Obshestvenny stroi Zolotoi Ordyy* [The social order of the Golden Horde]. Moscow, Moscow State University Publ., 1973. 178 p.

38. *Finno-ugry Povolzh'ya i Priural'ya v srednie veka* [Finno-Ugric peoples of the Volga and Ural regions in the Middle Ages. Collected articles]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1999. 387 p.

About the author: Vladimir Aleksandrovich Ivanov – Head of the Department of General History and Cultural Heritage, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Doctor of Historical Studies, Professor (450000, Oktyabr'skoy revolyutsii st., 3a, Ufa, Bashkortostan); ivanov-sanych@rambler.ru